

Немцова Надежда Михайловна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии ФГБОУ ВПО
«Тамбовский государственный технический университет», г. Тамбов
nemtsova2004@mail.ru

С. Н. Сергеев-Ценский и М. Горький: проблема отцов и детей

Аннотация. Статья посвящена изучению вечной проблемы «отцов и детей» на материале произведений «Мать», «Мещане» М. Горького, «В грозу», «Валя», «Обреченные на гибель» С. Н. Сергеева-Ценского. Автор акцентирует внимание на трагических последствиях духовного разобщения поколений.

Ключевые слова: русская литература XX века, С. Н. Сергеев-Ценский, М. Горький, семья, духовное разобщение, «отцы и дети».

Раздел: (05) филология; искусствоведение; культурология.

Наследие русской литературы позволяет проследить, как менялось представление о семье, о семейных ценностях в русском обществе. Литературный процесс, проецирующий отношение русских писателей к современным им реалиям, дает возможность осмыслить происходящие перемены, намечает пути выхода из кризиса, который затрагивает семейную сферу. Как отмечают исследователи, особый интерес «к представлениям о месте человека в семейно-родовой цепи» особенно оправдан «сейчас, когда разрушительный кризис семьи и брака, нарастающий в западном мире, болезненно затронул и Россию <...>. Литература, всегда откликающаяся на актуальные проблемы современности, в разные времена по-своему отражала семейную проблематику» [1].

Особенное внимание к семейным ценностям уделяется в произведениях, которые созданы в кризисные моменты русской истории, коими изобилует XX век; на протяжении всего этого периода образы семьи и дома неизменно привлекают внимание русских писателей [2].

Обращение в данной статье к анализу вечной проблемы «отцов и детей» в творчестве М. Горького и С. Н. Сергеева-Ценского продиктовано актуальностью семейной проблематики в современную эпоху: ситуация распада «старой» духовности близка и понятна современному обществу.

С.Н. Сергеев-Ценский никогда не разделял горьковского отношения к семье и браку. Герой автобиографической повести Горького когда-то произносил: «Брак же есть таинство, силою которого две яркие противоположности, соединяясь, рожают почти всегда – унылую посредственность» [3]. Для сравнения приведем высказывание героя автобиографической повести «В грозу» (1922) С. Н. Сергеева-Ценского, где он, отвечая на вопрос собеседника «Женились?», сказал весьма характерно: «Женился <...>. Как только стали всячески разрушать семью, так и вышло, что обязательно надо жениться <...>» [4].

По М. Горькому, традиционно, «новые» люди – проводники нового мира, а «новые» люди – это, прежде всего, «дети». Ранее в романе «Мать» писатель сглаживает конфликт тем обстоятельством, что мать принимает правду сына, то есть отрекается от всего того, что было в ее жизни, все отвергает ценности. Все ее прошлое М. Горьким, кажется, игнорируется в бытийном смысле. В пьесе «Мещане», написанной примерно в то же время, что и «Мать», не предоставлено разрешение конфликта между отцами и детьми. Правда детей противоречит правде отцов. Сын Петр противостоит отцу: «Твой порядок жизни, он уже не годится для нас» [5]. Схожая картина наблюдается в романе С. Н. Сергеева-Ценского «Обреченные на гибель», однако, как мы уже

говорили, акценты ставятся полярно. Никто из молодых не дорожит домом. В семье беспорядок: творится ненависть и презрение. Дети восстают против матери, уезжая один за другим из дома; доброго, кроткого отца фактически обворовывают и предают (семья Худолеев). Проблема для С. Н. Сергеева-Ценского состояла в том, что старшее поколение не несло в себе мудрости, столь необходимой для становления молодых. Писатель, соединяя в эпосе темы семьи, родины, мира и войны, художественно развивает философские размышления И. Ильина: «<...> Семейный террор оказывается одним из главных источников общественной деморализации и политической революционности. Семья становится школой вечного, несытого бунтарства; и проявления его бунтарства могут стать фатальным в жизни народа и государства» [6].

В черновиках к роману «Валя» С. Н. Сергеев-Ценский, делая наброски характера Натальи Львовны, подчеркивал такие ее качества, которые также могли увлечь Горького своей новизной: «Наталья Львовна все ошарашивает Алексея Иваныча свободой своего обращения со всякими его святынями. «Кому же от этого легче? Никому не легче, а только всем скучно», – это и основные возражения на всякое стеснение женщины в браке. <...>. И давно бы надо называться всем не по отцу, а по матери, – по крайней мере, без фальши. И боже мой, какие там браки! Женятся очень любвеобильные люди больше для своих хороших знакомых, чем для себя» [7].

Помимо общего смысла этого высказывания обращает на себя внимание последнее: надо называться не по отцу, а по матери. Что это такое? Случайно ли?

Вернемся к повести Горького «Мать», название которой весьма показательное. В вечном споре отцов и детей не просто старшие идут за младшими, а матери за детьми. Где же тут отцы?

М. М. Дунаев заметил: «<...> У Горького своего рода уничтожение «отцовства» и вознесение материнского начала <...>. Вернее было бы предположить, что постоянное внимание к материнскому началу определено включением богоискательского опыта Горького в общий контекст эпохи, в которой едва ли не все идейные искания совершались под знаком вечной женственности» [8].

Это все замечено очень правильно и метко, однако, на наш взгляд, дело не только в этом.

Посмотрим, что происходит в повести М. Горького. Дети являются сиротами именно по отцовской линии. Где отцы? Они и, прежде всего они выступают разрушителями семьи, причем разрушителями духовными (еще одно существенное проявление духовной апостасии, замеченное еще Ф. М. Достоевским, в «Подростке» прежде всего). Михаил Власов не замечал «сына»; у Наташи «отец <...> грубый и пьяница»; Сашенька отрекается от отца; у Николая Весовщикова отец «поганенький такой старичок».

М. Горький, какие бы взгляды он не исповедовал, как большой художник, не мог не замечать глубинных процессов, происходящих в обществе. В частности, он подметил (как, кстати, и Сергеев-Ценский в романе «Обреченные на гибель»), что духовное разобщение, крах семьи наступает прежде всего, по вине отцов, в результате их греховного поведения (ведь пьянство, серьезный грех, вспомним, скажем, того же Мармеладова из «Преступления и наказания» Достоевского).

И. А. Есаулов предполагает, что вознесением материнства подчеркивается инфантильное бытие персонажей. Мысль, как кажется, поверхностная. И следует истину, повторим, искать в наступающем духовном крахе и приближающейся революционности.

М. М. Дунаев, рассуждая в аспекте православно-христианской аксиологии, верно заметил, что «<...> Семья – малая Церковь. Недаром внутрицерковные отношения определяются понятиями, выработанными в семье: отец, батюшка, матушка,

брат, сын, чадо, сестра <...>. Вне семьи эти понятия утрачиваются, ослабляя внимание связей внутри Церкви. Поэтому разрушение семьи – революционный акт все той же антихристианской направленности.

Семья – одно из средств богопознания» [9]. Иными словами, церковность определяется, прежде всего, (на первом месте) – отцовством. Неслучайно и это: Во имя Отца, и Сына, и Святого духа – Аминь!

Не чувствует никакой святости в вопросах семьи «обновленная» Наталья Львовна, понравившаяся Горькому. Что ему понравилось в ней? Правдивость ее, воссозданная Сергеевым-Ценским (а он, кстати, заметил, что материнское начало пошатнулось. Вот и Валя, главная героиня, выступает в качестве разрушительницы семьи – новая ступень общественной деградации) или же такой именно ее облик? Остается догадываться. Вероятно, и то, и другое. Как известно, семейные отношения еще со времен Н. Г. Чернышевского «как будто сохраняются в бытовом обиходе «новых людей», но рассматриваются ими как источник удовольствий, основа удобств и комфорта» [10].

С. Н. Сергееву-Ценскому была созвучна мысль Ф. М. Достоевского: «Социалисты хотят переродить человека, освободить его, представить его без Бога и без семейства. Они заключают, что, изменив насильно экономический быт его, цели достигнут. Но человек изменится не от внешних причин, а иначе как от перемены нравственной» [11].

В «Крымских рассказах», в частности, в повести «Жестокость» С. Н. Сергеев-Ценский демонстрирует отношения отцов и детей на изломе истории, в момент их трагической, кровавой схватки. В повести четко, откровенно проведена возрастная граница. Подлинный трагизм ощутим в том, что революционная круговерть как бы ставит все точки над *i* в отношениях отцов и детей. Эти отношения – откровенная вражда: «отцы» решили наказать своих «детей», замыслили их убить. Страшно то (и в этом, пожалуй, и состоит весь подлинный ужас гражданской войны), что старики решились на это сознательно. Все краски перепутались; чудовищно, что, убивая, отцы обращаются к Богу, творя, как им кажется, праведный суд. «Во имя отца <...> и сына <...> и святого духа <...> Аминь! и все из того перекрестились следом, и лица у всех стали степенные, встревоженно-чуткие к каждому слову, суровые, строгие <...>» [12]. Чудовищной реальностью, приметой времени становится беспощадная, тупая безысходная месть. Так бабка Евсеевна (между прочим, женщина) творит расправу за убитого внука. Творить расправу, уповая на Бога – может ли быть что-то более чудовищней?

В другой повести «В грозу» (авторское название – «Смерть ребенка», написанной в этом же году (1922), Сергеев-Ценский по иному подает детский образ: «точно спаслись от кораблекрушения трое: двое больших и маленькая, и поселились на пустом острове». «Пустой остров», как это ни прискорбно, в данном случае символизирует сохранившуюся теплоту семейных отношений. Роли, однако, перепутаны: носитель мудрости и зрелости – ребенок, дочка Мушка. И ее смерть от неожиданной болезни – холеры – воспринимается символично, поскольку погибает единственное существо, которое способно было постичь истину.

Что же символизирует эта смерть?

С точки зрения житейско-обыденной логики, это страшная трагедия: умирает ребенок.

Что же такое эта смерть с онтологической точки зрения? Обратимся для аргументации к авторитету классиков.

В 1847 году В. А. Жуковский писал Н. В. Гоголю по поводу смерти любимой сестры: «Но в то же время смерть есть великое благо, чем милее нам был умерший. Это глубоко понимает разум, освещенный лучом христианства. Но какую великую

силу приобретает убеждение разума, когда оно становится опытом сердца. Пока мы сами не испытали еще никакой болезненной утраты, мы веруем, слушая голос Спасителя, исходящий к нам из Евангелия, и нашей мысли представляется жизнь человеческая в своем истинном великом значении. Но когда над нами самими совершается удар свыше, как иначе делается тогда внятен сердцу этот евангельский голос; уже не в листах книги мы ищем тогда Спасителя нашего. Он Сам нас находит. Он Сам становится к нам лицом к лицу; ценою бедствия покупаем мы лицезрение Бога. Велика ли эта цена? И что она перед тем сокровищем, которое мы за неё приобретаем? Всё, что я здесь тебе пишу, я прежде думал; теперь я это видел, и опыт близкого мне сердца сделался моим собственным опытом. Я видел отца, отдавшего в руки Бога любимую дочь свою, я слышал отца, прославлявшего не словами, а радостию сердца волю Всевышнего, взявшую дитя его, только что расцветшее для жизни. Здесь всего проще повторить слова, сказанные им своей семье в первые минуты утраты: «Великое дело Божие над нами свершилось; мы видели своими глазами, как наша милая дочь перешла к Небесному Отцу своему; она принесла Ему чистую, ничем житейским не потревоженную и с Ним примирённую душу. И теперь мы знаем, без всякого земного сомнения знаем, что ей дано все то, чего бы мы никакою силою нашей любви не могли ни дать, ни сохранить ей в жизни. Мы можем только благодарить и славить. После такого ясного узнания милости неизреченной не позволим себе никогда ни пожалеть, что она от нас взята, ни пожелать, чтобы она была с нами. Будем смиренны; и чтобы наше горе никогда не пересилило нашей теперешней радости! За себя будем только покорны; за неё благодарность и радость» [13].

Эти высказывания очень точно характеризуют не только конкретную ключевую ситуацию из повести С. Н. Сергеева-Ценского, но и определяют пафос всей повести в целом. Мы полагаем, что Сергееву-Ценскому очень важно было именно в страшные времена разрухи заявить торжество Божественной правды, с одной стороны, а с другой – еще раз подчеркнуть суетность всего происходящего на грешной земле.

Осмысление проблемы «отцов и детей» в творчестве М. Горького и С. Н. Сергеева-Ценского углубляет представление о концепции семьи в творчестве этих писателей, а также способствует раскрытию нравственного потенциала русской литературы.

Ссылки на источники

1. Полева Е. А., Русанова О. Н. Концепции семьи в парадигмах художественного сознания и авторских моделях: итоги VI Всероссийской с международным участием научной конференции «Русская литература в современном культурном пространстве» (ТГПУ, 13–14 сентября 2012 года) // Вестник Томского государственного педагогического университета. Изд-во: Томский государственный педагогический университет, 2013. – №2. – С. 233.
2. Данилова О. Л. Семья в системе духовных ценностей русской литературы XX века // Система ценностей современного общества. Новосибирск: ООО «Центр научного развития и научного сотрудничества», 2008. – С. 77–80.
3. Горький М. Полное собр. соч. худ. пр. в 25-ти томах. М., 1968 – 1976. – Т.16. – С. 235.
4. Сергеев-Ценский С. Н. Собр. соч. В 12-ти томах. М., 1967. – Т.2. – С. 319.
5. Горький М. Полное собр. соч. [уд. пр. в 25-ти томах. М., 1968 – 1976. Т.16. – С. 135.
6. Ильин И. А. Путь к очевидности: Сочинения. М., 1998. – С. 205.
7. РГАЛИ. С. Н. Сергеев-Ценский. Наброски к роману «Валя». Ф. // 61, Оп.1. Ед. хр. 235.
8. Дунаев М. М. Православие и русская литература. М.: Крутицкое Патриаршее Подворье, 1996. – Т. III. – С. 418.
9. Там же. С. 162.
10. Там же. С. 161.
11. Достоевский Ф. М. Т. 7 // Собр. соч.: В 20-ти томах. М.: Терра, 1998. – Т. 20. – С. 171.
12. Сергеев-Ценский С. Н. Собр. соч. В 12-ти томах. М., 1967. Т. 2. – С. 427.
13. Жуковский В. А. Собр. соч.: Т. 4. М., 1960. – С. 458

Nadezhda Nemtsova,

*candidate of Philology, associate professor of Russian Philology Chair at
Tambov State Technical University, Tambov*

nemtsova2004@mail.ru

Sergei Sergeyev-Tsensky, Maxim Gorky: Generation Gap

Abstract. The article is devoted to the analysis of perpetual generation gap on the examples of the following works «The Mother» and «The Philistines» by Maxim Gorky, «In a Thunderstorm», «Valya», «Doomed to Die» by Sergei Sergeyev-Tsensky. The author of the article focuses on tragic consequences of the religious disconnection of different generations.

Key words: Russia literature of the XX century, Sergei Sergeyev-Tsensky, Maxim Gorky, family, religious disconnection, generation gap.

ISSN 2304-120X

2 5

Рекомендовано к публикации:

Горевым П.М., кандидатом педагогических наук, главным редактором журнала «Концепт»